

Глава 1

ПОДХОДЫ К РАЗРАБОТКЕ, ПРОГНОЗИРОВАНИЮ И ПРОЕКТИРОВАНИЮ МЕГАТЕНДЕНЦИЙ ГЛОБАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Практика последних десятилетий убедительно показывает: чем выше качество прогнозирования, тем, как правило, эффективнее, результативнее управление социально-политическими процессами. Для органов государственной власти иметь научно обоснованные прогнозы означает предвидеть ход развития событий и иметь возможность оптимизировать соответствующую политико-управленческую деятельность.

Основная причина, побуждающая нас заниматься прогнозированием, состоит в том, что существуют явления, будущее которых мы не знаем, но они имеют важное значение для решений, принимаемых нами сегодня. Поэтому мы и стремимся проникнуть «глазами ума в будущее» (Платон). Проектирование — это целенаправленное построение образа желательного будущего и возможное внедрение этого образа в общественное сознание. В известном смысле прогнозирование и проектирование являются экстраполяциями известного в неизведанную перспективу.

Обладая некоторым сходством, прогнозирование и проектирование имеют и присущие им особенности. Прогнозирование представляет собой анализ вероятностных тенденций общественного развития или его отдельных направлений на определенные сроки, предсказание их результатов. Проектирование, включая элементы прогнозирования и используя его наработки, выступает как целенаправленный процесс, связанный с формированием заданного результата в будущем. «Проект — это уникальный процесс, состоящий из совокупности скоординированных и управляемых видов деятельности, имеющий начальную и конечную дату выполнения, предпринимаемый для достижения цели, соответствующий установленным требованиям, включая ограничения

по времени, затратам и ресурсам»¹. Если прогнозирование пытается предсказать будущее, то проектирование – определить пути, средства и ресурсы для достижения его максимально желательного образа.

В основе долгосрочного прогнозирования лежит комплексный анализ динамики решающих связей между многочисленными факторами стратегической ситуации и оценкой перспектив ее развития. Составной частью такого анализа является научное моделирование долговременных общественных процессов и трендов, их соответствующий учет. Причем уже сами прогностические проекты, получившие достаточную известность, могут в известной мере влиять на становление проектируемого будущего.

Важную роль в социально-политической прогностике и проектировании играет разработка основных трендов, определяющих базовые параметры общественных изменений. Под мегатенденциями понимаются долговременные тренды (тенденции) развития общества. Глобальные мегатренды отражают, прежде всего, взаимосвязи, взаимодействия и взаимовлияния современного мира, приобретающие определенные особенности в различных цивилизациях и культурах. «Мегатренды – это крупномасштабные, долгосрочные процессы мирового развития, определяющие качественное содержание текущего этапа эволюции миросистемы»².

Комплексные долговременные прогнозы на конец XX – начало XXI в. были впервые представлены в известном труде Дж. Нейсбита «Мегатенденции: десять новых направлений, преобразующих нашу жизнь», а затем в его продолжении «Мегатенденции. Год 2000», написанном в соавторстве с П. Эбурдин³. Данные работы приобрели значительную известность: они были опубликованы во многих странах мира общим официальным тиражом более 14 млн экземпляров. Именно после публикации указанных исследований понятие мегатренда стало широко использоваться в научной литературе и социально-политическом дискурсе.

¹ Никонова И.А. Проектный анализ и проектное финансирование. – М., 2012. С. 14–15.

² Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 7.

³ См.: Naisbitt J. Megatrends. Ten New Directions Transforming Our Lives. – New York, 1982; Naisbitt J., Aburdene P. Megatrends 2000. – New York, 2000.

Таблица 1

Мегатенденции конца XX – начала XXI в.

Мегатенденции постиндустриального развития	1. От индустриального общества к информационному 2. От форсированного технологического развития – к передовым технологиям 3. От национальных экономик – к мировой экономике
Мегатенденции глобализации	4. От безусловного примата Севера – к выравниванию Юга 5. Рост влияния государств Азиатско-Тихоокеанского региона 6. Развитие социализма со свободными рыночными отношениями 7. Глобальные стили жизни и культурно-языковой национализм 8. Расширение вероятности конфликтов и повышения возможности их урегулирования
Управленческие мегатенденции	9. От централизации к децентрализации и от институциональной помощи к своим силам 10. От институциональной помощи к своим силам 11. От представительной демократии – к демократии соучастия 12. От иерархических структур – к сетевым структурам 13. От узкого выбора из двух возможностей (либо – либо) – к множественному выбору 14. От краткосрочных тенденций – к долгосрочным 15. Приватизация государственного благосостояния
Мегатенденции развития личности, женщин, религии и искусства	16. Возрастание роли личности во всех сферах общественной жизни 17. Усиление принципа индивидуальной ответственности 18. Широкий приход женщин на руководящие посты 19. Религиозное возрождение 20. Ренессанс искусств

В таблице 1 отражены основные мегатенденции, представленные в работах Дж. Нейсбита и П. Эбурдин, которые сгруппированы для удобства анализа по четырём направлениям: постиндустриальное развитие,

глобализация, управление, а также роль личности, женщин, религии и искусства в меняющемся обществе.

Указанные мегатенденции расширили представление исследователей о направлениях и перспективах глобального развития. Практически все тренды выдержали проверку временем в том смысле, что каждый из них так или иначе продолжил свою эволюцию, оказывая определенное и часто вполне очевидное воздействие на мировую политику, экономику, культуру. Соответственно, наряду со сценарными, циклическими, волновыми, цивилизационными и другими методами разработка и анализ мегатрендов стали использоваться в политической и социальной прогностике, разработке долговременной политической стратегии¹.

Дж. Нейсбит справедливо обращал внимание на то, что, в принципе можно «решить идти против тренда»². Однако это нужно понимать и всегда осознавать ответственность за свои действия.

Следующая комплексная попытка разработки мегатенденций общественного развития применительно к началу XXI в., получившая широкую известность, относится к 2003 г. Именно тогда началась подготовка «Проекта-2020. Контуры мирового будущего», которой руководили такие видные исследователи, как Т. Гордон (проект ООН «Миллениум»), Дж. Дьюар (директор Центра по долговременной глобальной политике при корпорации РЭНД), Дж. Дэвис (глава сценарного проекта при «Шелл Интернэшнл») и др. В целом в работе над проектом, которая заняла несколько лет, приняло участие более тысячи человек³. В таблице 2 представлены мегатенденции, разработанные в рамках данного проекта.

¹ См.: Мегатренды мирового развития / Под ред. М.В. Ильина, В.Л. Иноземцева. — М., 2001; Циклы политического развития: прогностический потенциал / Отв. ред.: В.И. Пантин, В.В. Лапкин. — М., 2010; Аналитические технологии прогнозирования политических процессов / Под ред. О.В. Поповой. — М., 2013 и др.

² См. Нейсбит Д. Мегатренды. — М., 2003. С. 21.

³ См.: Россия и мир в 2020 году: Контуры мирового будущего: доклад Национального разведывательного совета США; Россия-2020: будущее страны в условиях глобальных перемен. — М., 2005.

Ведущие мегатенденции мирового развития до 2020 г.

№ п/п	Мегатенденции
1	Размах и скорость перемен усилят противоречия глобализации
2	Подъем новых держав: перемены в геополитическом пейзаже
3	Сохранение за странами Запада лидерских позиций в мировой политике, экономике и финансах
4	Новые проблемы управления и государственности
5	Управление под давлением высоких технологий
6	Замедление темпов демократизации
7	Всеобъемлющее чувство ненадежности
8	Расширение мировой экономики
9	Ускоренные темпы научного прогресса
10	Распространение двойных технологий
11	Сохранение социального неравенства
12	Феномен глобального старения
13	Распространение радикальной исламской идеологии
14	Потенциальная возможность катастрофического терроризма, но не мировой войны
15	Распространение оружия массового поражения
16	Усиление давления на международные институты
17	Расширение политики этнического самоопределения

В «Проекте-2020» получили развитие или были дополнены уже ранее известные тренды (подъем новых держав, расширение мировой экономики, ускорение темпов научного прогресса и др.). Однако в нем были выделены и проанализированы принципиально иные мегатенденции. Среди них — новые противоречия глобализации в результате размаха и скорости перемен, управление под давлением высоких технологий, замедление темпов демократизации, всеобъемлющее чувство ненадежности, сохранение социального неравенства, расширение политики этнического самоопределения; распространение радикальной исламской идеологии, распространение оружия массового поражения, потенциальная возможность катастрофического терроризма, усиление давления на международные институты. Эти тренды, как известно, нашли свое практическое подтверждение.

Однако, как показало время, в «Проекте-2020» выявились и определенные пробелы. Среди них – недооценка феномена долговременного повышения значимости цивилизационного фактора (в частности, роли России и Китая как цивилизационных сообществ), поскольку в целом данный проект был западно-центристским. Серьезным просчетом явилось игнорирование авторами проекта признанных идей ряда известных исследователей, в том числе и Н.Д. Кондратьева, о влиянии технологических революций на мировую экономику и определенной цикличности ее кризисов и стагнаций¹. Кроме того, не был учтен фактор глобальных манипуляций и спекуляций виртуальными платежными средствами и значения их проектируемого, подвижного рейтинга, влияющего на стоимость денег и других финансовых средств.

Указанные обстоятельства показали известную методологическую ограниченность «Проекта-2020». Мировой кризис 2008–2009 гг. и затянувшийся выход из него целого ряда стран свидетельствует о необходимости повышения эффективности государственного контроля над финансовыми потоками и актуализации неокейнсианских подходов для проведения назревших структурных реформ в экономике, что должно найти отражение в методологии разработки мегатрендов.

В основе глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. лежали следующие причины: значительный рост необеспеченных ссуд и ипотек в странах Запада (прежде всего, США); огромный необеспеченный государственный долг США (равен размеру ВВП) и ряда стран ЕС (Греция, Италия); колоссальный разрыв между реальной стоимостью мирового производства (60 трлн долл.) и ее многократным, плохо контролируемым превышением в различных вторичных платежных обязательствах (деривативах); создание многочисленных транснациональных спекулятивных «финансовых пирамид»; отсутствие должного национального и мирового контроля за современными международными финансовыми механизмами².

В результате кризиса произошло крушение ряда известных западных банков, падение уровня производства

¹ См.: Кондратьевские волны: Длинные и среднесрочные циклы / отв. ред.: Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев. – Волгоград, 2014.

² См.: Рубини Н., Мим С. Как я предсказал кризис: экстренный курс подготовки к будущим потрясениям. – М., 2011. С. 11–12.

в большинстве стран или его рецессия (за исключением КНР, Индии и некоторых сопредельных государств), сокращение доходов значительной части населения, рост безработицы, стремительное увеличение государственного долга, обогащение высшей прослойки менеджеров, олигархов, спекулянтов и т.п.

Выход на мировой рынок в 2015 г. Ирана и США в качестве новых поставщиков нефти и увеличение ее добычи членами ОПЕК привели к резкому сокращению спроса и трехкратному падению цен на этот важнейший сырьевой продукт. Данный фактор в значительной степени содействовал экономической рецессии в соответствующих экспортно-сырьевых странах.

Таблица 3

Десять международных трендов на XXI век (по Й. Гальтунгу)

Глобальные тенденции	Социальные тенденции
Закат и падение империи США	Укрепление наций
Закат Запада	Укрепление гражданского общества
Ослабление государств и усиление регионов	Рост активности молодежи
Подъем «остальных»	Повышение роли женщин
Рост Китая	Усугубление неравенства и мятежи

Известный норвежский математик и социолог Й. Гальтунг предложил иное видение десяти мегатенденций, меняющих мир в XXI в. (см. таблицу 3)¹. На наш взгляд, к ним можно также добавить тренды пяти технологических инноваций по методологии ИВМ на ближайшие 10 лет. Среди них: получение электроэнергии для обеспечения работы офисов, домов или целого города из процесса жизнедеятельности человека; мультифакторная биометрика для обеспечения кибербезопасности (использование уникальных биологических идентичностей человека); телепатия или чтение основных мыслей посредством создания соответствующей гарнитуры с

¹ См.: Гальтунг Й. Десять тенденций, меняющих мир // Россия в глобальной и мировой политике. – 2011. – № 4. – С. 8.

датчиками, которые смогут считывать активность мозга; сокращение разрыва в доступе к информации между имущими и неимущими людьми вследствие развития мобильных технологий; оптимизация аналитических технологий, в результате которой человек будет получать только релевантную и нужную ему информацию, а также микрокомпьютерное взаимодействие со всем окружающим его миром — от быта до работы.

Интересны разработки специализированных зарубежных исследовательских центров¹, а также известных прогнозистов, ориентированные на долгосрочную перспективу². В книге «Мир в 2050 году», подготовленной ведущими авторами журнала «Экономист», говорится о перспективных революциях в области геномики и здравоохранения, что позволит бороться с распространением опасных заболеваний. В рамках данного прогноза на середину XXI в. также полагается, что неравенство между бедными и богатыми станет меньше, а мир будет более устойчивым, здоровым, производительным, инновационным и взаимосвязанным. Благодаря интегрированным компьютерным социальным сетям на помощь индивидуальному интеллекту будет приходиться коллективный разум³.

Ж. Аттали в своей книге «Краткая история будущего», охватывающей аналогичный прогнозный период, представил возможный сценарий дальнейшего геополитического развития⁴. По его мнению, на первом этапе будет происходить постепенное ослабление американской империи, доминирование которой сохранится в течение ближайших 20 лет. Затем США продолжат оставаться крупнейшей планетарной силой, но уже не смогут управлять миром. На втором этапе другие государства начнут уравнивать Америку, и мир действительно станет полицентричным. Примечательно, что среди «уравновешивающих» стран названа и Россия. В более отдаленной перспективе предстоит доминирование Азии:

¹ См.: Мир после кризиса. Глобальные тенденции — 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США / гл. ред.: Г. Павловский. — М., 2009.

² См., напр.: Фридман Дж. Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века. — М., 2010.

³ См.: Мир в 2050 году / под ред. Д. Франклина и Дж. Эндрюса. — М., 2013. С. 10—12.

⁴ См.: Attali J. A Brief History of the Future: A Brave and Controversial Look at the Twenty-First Century. — New York, 2009.

через 25 лет промышленное производство в государствах региона превысит половину общемирового. Кроме того, Азия, где уже сейчас находятся 13 из 20 наиболее крупных мировых контейнерных портов, обеспечит две трети мирового товарооборота.

Интересно, что общий ВВП стран G7 (США, Канада, Япония, ФРГ, Великобритания, Италия, Испания) по его паритету покупательной способности (ППС) в 2014 г. составил 34,5 трлн долл., а общий ВВП по ППС «новой семерки» (КНР, Индия, Россия, Бразилия, Мексика, Индонезия, Турция) достиг несколько большего значения — в 37,8 трлн долл.¹ Однако если ВВП рассчитать не по ППС, а по более консервативной методике ООН, то «старая семерка» окажется впереди «новой». Кроме того, темпы экономического роста Бразилии и России как стран, во многом ориентированных на экспорт сырья, в последнее время существенно замедлились.

По подсчетам Ж. Аттали, к 2030 г. ВВП КНР превысит американский. Миллионы китайцев станут представителями среднего класса. Население Японии будет стареть, а ее экономика продолжит падение в относительном исчислении. Быстрые темпы экономического развития возможны в Республике Корея и Вьетнаме (рост населения до 115 млн человек). Индия со своими 1,4 млрд жителей станет третьей после США и Китая экономической державой. Показатели ее экономического роста будут превышать китайские, однако ВВП на душу населения окажется ниже из-за быстрого роста численности населения. В Индонезии к 2025 г. население составит 270 млн человек и она может превратиться в самую развитую с экономической точки зрения страну исламского мира.

В России концепция долгосрочного социально-экономического развития страны на период до 2020 г. стала официально разрабатываться в 2007—2008 гг.²

¹ См.: Самофалова О. Семеро новых: Группа развивающихся государств, куда входит и Россия, по ряду показателей уже опережает G7 // Взгляд: Деловая газета. — 2014. — 9 октября. — URL: <http://www.vz.ru/economy/2014/10/9/709649.html>.

² См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2008. — № 47. — Ст. 5489.

В ней были поставлены следующие основные задачи: рост ВВП – на 37%, рост производительности труда – на 40%, снижение энергоемкости – на 18%, увеличение реальных основных доходов населения – на 53%; рост инвестиций в основной капитал – на 80–85%; увеличение ожидаемой продолжительности жизни – на 2,5 года. Предполагалось значительное увеличение численности среднего класса¹.

В данном проекте правильно ставился вопрос о долговременных вызовах экономическому и социальному развитию. Первый вызов – это усиление глобальной конкуренции, охватывающей не только традиционные рынки товаров, капиталов, технологий и рабочей силы, но и системы национального управления, поддержки инноваций, развития человеческого потенциала. Второй вызов – это ожидаемая новая волна технологических изменений, усиливающая роль инноваций в социально-экономическом развитии и снижающая влияние многих традиционных факторов роста. Третий вызов – это возрастание роли человеческого капитала как основного фактора развития общества. Четвертый вызов – это исчерпание потенциала модели экономики, базирующейся на форсированном наращивании топливного и сырьевого экспорта, выпуске товаров для внутреннего потребления за счет дозагрузки производственных мощностей в условиях заниженного обменного курса рубля и низкой стоимости производственных факторов – рабочей силы, топлива, электроэнергии.

К указанным четырем вызовам, на наш взгляд, можно было бы добавить и пятый – волнообразное ценообразование на энергоресурсы с возможной тенденцией снижения цены на них, а также целенаправленное воздействие на эти процессы со стороны США и Саудовской Аравии, по аналогии с событиями 1991 г., когда произошло стремительное падение мировой цены на нефть до величины менее 20 долл. за баррель.

Стратегической целью концепции долгосрочного развития провозглашалось достижение уровня, соответствующего статусу России как одной из ведущих мировых держав XXI в., занимающей передовые позиции в

¹ См.: Россия 2020: главные задачи развития страны / гл. ред.: Г. Павловский. – М., 2008; Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить / под ред. С.А. Караганова. – М., 2008.

глобальной экономической конкуренции и надежно обеспечивающей национальную безопасность и реализацию конституционных прав граждан. Планировалось, что к 2020 г. Россия должна войти в пятерку стран-лидеров по объему ВВП (по ППС). Достижение этой цели означало бы формирование качественно нового образа будущей России.

Мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. и последовавший затем необычно длительный период рецессии были неожиданными для мирового сообщества и оказали на многие государства крайне негативное воздействие. Для России оно выразилось в снижении традиционных конкурентных преимуществ страны вследствие резкого падения цен на экспортно-сырьевую продукцию, обострении проблем национальной банковской системы, для поддержания которой пришлось израсходовать до 200 млрд. долл. золотовалютных запасов, необходимости решения вопросов выживания индустриального сектора, его финансового обеспечения, получения кредитов по разумным процентам, поддержки малого и среднего бизнеса, восстановления рыночного спроса, противодействия растущей безработице.

Спад промышленного производства в России оказался больше, чем в постиндустриальных странах, однако темпы выхода ее из кризиса (прирост ВВП в 3,8 % в 2010 г. и 4 % в 2011 г.) были выше, чем в большинстве государств. В целом к середине 2012 г. Россия достигла докризисного уровня развития и по объему ВВП стала шестой державой мира после США, КНР, Индии, Японии и ФРГ, опередив, в частности, Великобританию и Францию. В изменившихся условиях российские исследователи разработали ряд новых стратегических глобальных прогнозов на среднесрочную и долгосрочную перспективу¹.

Однако в 2014–2016 гг. вследствие падения цен на нефть, введения антироссийских санкций и неготовно-

¹ См.: Стратегический глобальный прогноз 2030: расширенный вариант / Ин-т мировой экономики и международных отношений РАН (ИМЭМО РАН); под ред. А.А. Дынкина. – М., 2011; *Irkhin Y.V. A Comparative Analysis of Megatrends in Global Development (Waves and Periods in 2000, 2020 and 2040) / Problems of Contemporary World Futurology / ed. by V.I. Yakunin. – Newcastle, UK, 2011. P. 315–324 и др.*

сти правительства выработать эффективную антикризисную программу экономического развития страны замедлилось, стали наблюдаться явления стагнации. В этой связи весьма важно, используя накопленные средства и опыт, постепенно уходить от сырьевой модели экономики, все более ориентируясь на инновационные, постиндустриальные перспективы, формирование независимой национальной финансовой системы, осуществление эффективных инфраструктурных проектов, сотрудничество со странами БРИКС. Следует также иметь в виду, что постиндустриальные страны, несмотря на нынешние невысокие темпы развития или даже рецессию, вкладывают огромные средства в наукоемкие проекты, в ряде случаев пытаются реализовать уже сегодня перспективные инновационные планы – создание сверхскоростных железнодорожных магистралей, разработку новых источников энергии и материалов, перевод государственной и муниципальной службы, а также коммерческой деятельности с бумажных носителей на электронные и т.д. Очевидно, что существенную роль в осуществлении модернизационной политики призвано сыграть взаимодействие государства с бизнесом и гражданским обществом.

В современной мировой политике повышается роль группы G20, включающей ведущие государства мира и крупнейшие экономики планеты. В нее входят Аргентина, Австралия, Бразилия, Великобритания, Индия, Индонезия, Италия, Канада, Китай, Мексика, Россия, Саудовская Аравия, США, Турция, Франция, ФРГ, Южная Корея, ЮАР, Япония и представительство ЕС. На их долю приходится 90 % мирового ВВП и две трети населения мира. Основные цели антикризисных саммитов G20 состоят в обсуждении и принятии необходимых решений, направленных на предотвращение глобальной рецессии, укрепление финансового сектора и недопущение протекционизма, переход мировой экономики к устойчивому росту, реформирование международных институтов, выработку общих требований в сфере макроэкономической, в том числе бюджетной и денежно-кредитной политики, укрепление резервных валют, оптимизацию регулирования деятельности рейтинговых агентств и аудиторских компаний, биржевой торговли и оффшорных зон.

Возрастает роль государств БРИКС в мировой политике – Бразилии, России, Индии, Китая и присоединив-

шейся к ним позднее Южно-Африканской Республики. Уже сегодня совокупный экономический потенциал данных государств приблизился к 25% мирового ВВП. Между ними сложились устойчивые политические и экономические отношения, существует необходимая взаимная поддержка. 15 июля 2014 г. была подписана Декларация о создании Нового банка развития БРИКС, объем разрешенного капитала которого составляет 100 млрд долл. При этом некоторые страны группы уже перешли на взаиморасчеты в национальных валютах.

Итак, одна из ведущих мегатенденций России – это усиливающийся запрос в обществе на тренд постиндустриального развития при использовании страной конкурентных преимуществ евразийской державы-цивилизации.

Таблица 4

Мировой и геополитический потенциал БРИКС

Страна	Население		Территория		ВВП	
	Численность, млн чел.	Место в мире	тыс. км ²	Место в мире	млрд долл.	Место в мире
Бразилия	193	5	8,512	5	3,073	7
Россия	142	9	17,075	1	3,568	6
Индия	1 160	2	3,287	7	7,277	3
Китай	1 400	1	9,600	3	17,630	1– 2
ЮАР	50	25	1,220	24	683	30

В данном отношении заслуживает пристального внимания опыт азиатских государств, относящихся как к конфуцианскому, так и к индо-буддистскому ареалу, которые за последние десятилетия продемонстрировали устойчивые темпы экономического роста. По существу, речь идет о том, что наряду с западной моделью индустриального и постиндустриального развития в ее англо-американской и континентально-европейской формах сложились и своеобразные неотрадиционистские восточные модели, позволяющие эффективно решать аналогичные социально-экономические задачи. Есть основания полагать, что этому способствовали сложившиеся в государствах Азии нелиберальные режимы управляемой демократии¹.

¹ См.: Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. – М., 2004.

В целом прогресс стран конфуцианской цивилизации, совершивших, по образному выражению одного из главных создателей сингапурского «экономического чуда» Ли Куан Ю, прыжок «из третьего мира в первый», обусловлен следующими факторами: 1) развитием предпринимательской инициативы; 2) эффективностью конфуцианской этики труда; 3) лояльностью к легальной и легитимной власти; 4) ее умением ставить долговременные задачи; 5) эффективным лидерством и управлением в эпоху глобализации и информационного общества¹.

Серьезный научный интерес вызывает анализ мегатенденций для Азии, методологической основой разработки которых выступает система неоконфуцианских ценностей, сопряженная с глобальными вызовами конкурентного управления и особенностями развития стран региона². Особое место среди аналитических работ данного плана занимает исследование Дж. и Д. Нейсбит «Китайские мегатренды: 8 столпов нового общества»³. Особенность этой книги состоит в том, что она была написана авторами по личному предложению Цзян Цзэминя, занимавшего должности генерального секретаря ЦК КПК в 1989–2002 гг. и Председателя КНР в 1993–2003 гг. Для этого, в частности, были созданы рабочие группы в Нанькайском и Тяньцзиньском университетах.

Названия восьми мегатенденций носят свойственный китайской традиции афористический и одновременно стратагемный характер, при этом само число «8» также приобретает особую значимость, символизируя удачу и богатство. Но дело, разумеется, не только и не столько в форме, хотя ее тоже не стоит недооценивать, сколько в методологии разработки мегатенденций, которые в целом были верно определены и объяснены. Чтобы понять указанные мегатенденции, необходимо раскрыть их коды и смыслы, тесно связанные с социокультурными, историческими и политико-управленческими доминантами развития страны.

1. «Освобождение разума». Этот тренд подразумевает переосмысление идеологии и корректировку ценностей:

¹ Подробнее см.: Ли Куан Ю. Из третьего мира – в первый. История Сингапура (1965–2000). – М., 2014.

² См.: Naisbitt J. Megatrends Asia: Eight Asian Megatrends that Are Reshaping our World. – New York, 1996.

³ См.: Нейсбит Дж., Нейсбит Д. Китайские мегатренды: 8 столпов нового общества. – М., 2012.

вместо расплывчатых идей – стратегия экономического роста, вместо политики – экономика. В качестве критериев истинности идеологических концептов выдвигаются практика и факты: «Неважно какого цвета кошка, главное, чтобы она умела ловить мышей» (Дэн Сяопин). КНР стал лидером по числу публикаций – 3 млрд журналов и 6 млрд экземпляров книг в год. Приветствуется высшее образование за рубежом, особенно – второе, для менеджеров, получивших первое в КНР. Освобождение мышления предполагает:

1) учет конфуцианских традиций;

2) использование опыта Запада без ломки политической системы (КНР – это компания, которой следует управлять именно как компанией или корпорацией. Китайцы обретают уверенность в семье, группе, коллективе, которые их объединяют. Конфуцианство подразумевает лояльность к стране и правительству, уважение и повиновение учителям и начальникам).

3) разработку перспектив развития до 2050 г. – концепции «китайской мечты».

2. «Баланс векторов: сверху вниз и снизу вверх». «Сверху вниз» – это традиционная руководящая роль КПК, но в рыночных условиях, предполагающих существование смешанных форм собственности и создание особых промышленных зон с участием зарубежного капитала, Каждые 8–9 лет 65-летних руководителей КПК должны сменять 55-летние, имеющие опыт работы в особых зонах (после Цзян Цзэминя генеральным секретарем ЦК КПК стал Ху Дзинтао, а в 2013 г. его сменил Си Цзинпин). Выдвинуты концепции научного развития и социальной гармонии (социализм с китайской спецификой), вертикальной конфуцианской демократии и контекстного лидерства (формирование среды, структуры, ценностей).

«Снизу вверх» – это, прежде всего, реализация концепции «трех представительств» КПК, выражающей интересы передовых производительных сил, передовой культуры и подавляющегося большинства народа. Кроме того, наряду с КПК в КНР официально действуют еще восемь так называемых демократических партий: Революционный комитет Гоминьдана, Демократическая лига Китая, Ассоциация демократического национального строительства Китая, Ассоциация содействия развитию демократии Китая, Рабоче-крестьянская демократическая партия Китая,

Партия Чжигундан Китая, «Общество 3 сентября» и Лига демократической автономии Тайваня. Члены демократических партий избираются депутатами, а также назначаются после консультаций с органами КПК на различные управленческие должности, в том числе и в структуры Госсовета КНР. Помимо этого, принцип «снизу вверх» предполагает также распространение опросов общественного мнения, создание ассоциаций, избирание населением контрольных органов и групп на местах.

3. *«Высаживание деревьев: пусть растут леса»*. Правительство определяет политику, а граждане формируют структуры, «окультуривают лес, подстригая высокие и давая простор маленьким деревьям», создают новые экономические институты. Децентрализуется управление, разрешается аренда и субаренда земли. Уже существует более 15 млн частных кампаний, совместные предприятия с участием зарубежного капитала. Созданы особые экономические зоны: Тяньцзинь (там расположен крупнейший порт на севере Китая и построены заводы компаний «Тойота», «Самсунг», «Моторола»), Шанхай, Шеньчжень и др. Каждые 10 лет в КНР происходит удвоение ВВП. 10 % бюджета расходуется на науку. По отношению к тайваньской проблеме провозглашается принцип «одна страна, две системы».

4. *«Вброд через реку, нащупывая камни»* – метод проб и ошибок. Супрапланирование не предусматривает мелочной опеки. «Пусть одни города разбогатеют раньше» (Дэн Сяопин): Шеньчжень, бывшая рыбацкая деревня недалеко от Гонконга с населением в 20 тыс. жителей, стала современным 10-миллионным мегаполисом. Практикуется создание на базе старых заводов современных государственных предприятий, продукция которых выходит на экспорт (пример – компания «Хайре групп», занимающаяся производством электроприборов с годовым объемом продаж более 2 млрд. долл.). КПК начинает рекомендовать на высокие должности незаурядных работников, даже если они не являются членами партии. В стране уже насчитывается 120 тыс. независимых юристов, при этом число обращений граждан в суд выросло с 520 тыс. в 1970 г. до 10 млн в 2013 г. Число Интернет-пользователей в КНР превысило 600 млн. Новейший тренд – возникновение интермедиа и транснациональных медиа, из 10 тыс. новостных ресурсов 2 тыс. работают в онлайн-режиме.

5. *«Художественная и интеллектуальная подпитка»*. «Мы должны строить две цивилизации: материальную и духовную» (Дэн Сяопин). В культуре наблюдается движение от социалистического реализма к конфуцианско-рыночным реалиям. Отчетливо проявляется «новая волна» в искусстве – в стране работают более 1 тыс. художников. Стремительно развивается дизайн – функционируют более 500 специализированных колледжей. Молодой архитектор Ма Яньсун выиграл в 2006 г. международный конкурс на строительство высотных башен «Абсолют» в канадской Миссиссоге. Получил мировое признание Китайский национальный балет. Доходы киноиндустрии КНР превысили 1 млрд. долл. Только в Шанхае работают 109 многофункциональных культурных центров.

6. *«Присоединение к миру или глобализация на китайских условиях»*. Символом открытости КНР стал крупнейший в мире пекинский международный аэропорт, построенный в 2004–2008 гг. Китайские авиалинии завоевали репутацию одних из самых безопасных. После вступления Китая в 2001 г. в ВТО его экспорт растет на 20% ежегодно, оборот внешней торговли составляет более 2,6 трлн. долл., в том числе с Тайванем – 400 млрд долл., с ЕС и США – по 500 млрд долл., со странами Африки – 70 млрд долл., с Латинской Америкой – 140 млрд долл. Фактически вся экономика КНР завязана на международные торговые площадки. В 2014 г. в России начал работу филиал Сельхозбанка КНР, занимающего по своим активам 10-е место среди самых крупных банков в мире. Китай является членом БРИКС и играет все возрастающую роль в Международном валютном фонде и Всемирном банке. Страна открыта для иностранного инвестирования в фондовые рынки (до 1 млрд. долл.). Децентрализация КНР дает возможность выхода на мировой рынок регионам. «Глобализация на китайских условиях» проявляется и в сфере образования: в 544 университетах Китая обучаются более 1 млн зарубежных студентов, в том числе около 10 тыс. – из США, а 80 тыс. китайских студентов учатся в американских университетах. При этом в мире уже функционируют 256 институтов или центров Конфуция.

7. *«Конфуцианская свобода и справедливость»*. ВВП на душу населения составляет в КНР 3,5 тыс. долл., что в 2,3 раза больше, чем в Индии (1,5 тыс. долл.), но пока

значительно меньше, чем в США (47 тыс. долл.). Система пенсионных выплат стала охватывать 250 млн человек, система пособий по безработице – 150 млн человек. В сельской местности, пока не охваченной данными выплатами, органы власти выделяют регулярные субсидии беднейшим слоям населения. Внедряется система прожиточного минимума и оценки доходов ниже локального стандарта. В стране открыты 700 млн личных счетов социального страхования. На здравоохранение тратится 3 % ВВП. Более 3 тыс. больниц используют традиционную китайскую медицину, в этой области заняты около 500 тыс. врачей. В системе образования введен национальный вступительный экзамен, дающий возможность любому китайцу поступить в вуз. Развивается дистантное образование: так, например, Центральная школа специализированного теле- и радиовещания превратилось в самое крупное в мире учебное заведение подобного плана, имеющее в своей структуре 3 тыс. филиалов и штат более 50 тыс. человек. Численность среднего класса в КНР составляет около 400 млн человек.

8. «От олимпийского золота – к нобелевским медалям». На летних Играх XXIX Олимпиады, проходивших в 2008 г в Пекине, китайские спортсмены впервые одержали победу в командном зачете, завоевав 51 золотую, 21 серебряную и 28 бронзовых медалей. Пекинская Олимпиада успешно продемонстрировала миру зрелость и уверенность Китая в себе. Вскоре после Игр произошло еще одно знаменательное событие, показавшее на сей раз достижения страны в научно-технической сфере: 27 сентября 2008 г. в ходе полета космического корабля «Шэньчжоу-7» тайконавт Чжай Чжиган впервые вышел в открытый космос, держа в руке флаг КНР. Сегодня уже не вызывает удивления тот факт, что 70 % китайских достижений в сфере высоких технологий не уступают западным. Китай занимает первое место в мире по количеству научных патентов, обойдя по этому показателю США в 2014 г.: только в зоне освоения высоких технологий Циндао каждый день регистрируется 10 патентов, 9 из которых – технологические. К 2020 г. в КНР планируется создать самолет, равный «Боингу», и лучший в мире электромобиль. Китайские университеты и бизнес-школы в Тяньцзине, Цинхуа и Шанхае вышли на мировой уровень.

Подводя итоги сорокалетнего курса четырех модернизаций – аграрной, промышленной, военной и научно-технологической, осуществляемых под руководством эффективной бюрократии, следует отметить, что Китай успешно развивается, имея средний годовой прирост ВВП на уровне 7%. По данным МВФ, в 2014 г. китайская экономика стала крупнейшей в мире: в КНР ВВП по ППС составил 18,088 трлн долл., тогда как в США – 17,348 трлн долл., при этом в 2020 г. китайский ВВП по ППС может составить 28,920 трлн долл., а американский – только 22,294 трлн. долл.¹ Достигнутые успехи позволили руководству КНР выдвинуть в 2013 г. концепцию «Китайской мечты», включающей в себя три цели: превращение Китая в богатое и сильное государство, энергичное развитие китайской нации и создание счастливой жизни для народа².

В этой связи целесообразно выделить еще одну максимум, характеризующую развитие КНР: «Продумывая далекое, не столкнешься с неприятностями в ближайшем будущем» (Конфуций)³. Речь идет о стратегической программе превращения Китая в современную постиндустриальную державу, охватывающей период с конца XX до середины XXI в. и включающей в себя три этапа. На первом этапе, в период до 2010 г., в КНР было намечено создать целостную систему социалистической рыночной экономики и поднять жизненный уровень всего населения до уровня малого благосостояния (сяокан). Эти цели были реализованы. Задачи второго, современного этапа (2011–2030 гг.) состоят в осуществлении развернутой научно-технической революции и создании основ информационного общества. Третий этап (2031–2050 гг.) должен поднять Китай на постиндустриальный уровень.

¹ См.: World Economic Outlook Database, October 2015: Report for Selected Countries and Subjects // International Monetary Fund. – URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/02/weodata/weorept.aspx?pr.x=42&pr.y=13 &sy=2013&ey=2020&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&c=924%2C111&s=PPPGDP&grp=0&a=>

² См.: Ломанов А.В. Китай мечтает вместе с миром // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации: Китайская мечта. – 2013. – 17 сентября. – URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zgm/t1077799.htm>.

³ Конфуций. Луньюй. Изречения. – М., 2015. С. 112.

Мегатенденции глобального развития 2015– 2025 гг.

№ п/п	25 мегатенденций
1	Перенос богатства и влияния с Запада на Восток (включая Россию), возрастание роли восточных политик, культур, религий, экономик, цивилизаций, народов.
2	Перестройка мирового управления в постиндустриальной, пост-модернистской и постинформационной цивилизационно-сопряженной картине мира.
3	Всемирное «электронное правительство» и новая глобальная реинтеграция с учетом интересов основных цивилизаций.
4	Отставание международных институтов от быстрых перемен.
5	Периодические глобальные (региональные) финансовые кризисы в связи с новыми этапами НТР, снижением производительности труда, покупательной способности, неэффективным управлением и др.; относительно медленный выход из них и обострение международных отношений в связи с неправовыми попытками получения односторонних преимуществ и выгод, а также использованием военных механизмов.
6	Увеличение числа явных и латентных субъектов и кластеров противоречивого глобального развития.
7	Формирование транснациональных информационно-сетевых миров при доминантной роли мировых элит.
8	Всемирная тенденция к формальным демократическим структурам, управляемая демократия в большинстве стран, повышение роли государства.
9	Замедляющаяся демократизация и усиление власти корпоративных структур в различных их управленческих и технологических формах.
10	Повышение роли низовых самоуправляющихся организаций.
11	Средний класс: рост в Азии и некоторое уменьшение на Западе при общем увеличении бедности.
12	Взлет пропаганды, новых глобальных информационных средств.
13	Крупные научные и идеологические центры как факторы мировой политики и управления в целом.
14	Увеличение присутствия женщин и молодежи в ключевых сферах управления.
15	Взрывной рост миграции и небелого населения, повышение роли диаспор, тенденция к размыванию национальных государств.
16	Растущий конфликтный потенциал мирового сообщества, протекционистские войны, новые издания холодных войн, гибридные войны, повышение роли иррегулярных сил в региональных и локальных конфликтах, государственный терроризм, возникновение террористических образований государственного типа, угрозы применения тактического ядерного оружия.
17	Новые движения и ограниченные войны за мировые ресурсы, включая Арктику и космос.

№ п/п	25 мегатенденций
18	Борьба за мировое лидерство в освоении возможностей шестого технологического уклада
19	Новые возможности человека в связи с использованием нано- и биотехнологий.
20	Социокультурный национализм на фоне глобализации и деглобализационные тренды.
21	Технологии и знания в управлении как факторы, меняющие правила глобальной игры.
22	Рост продолжительности жизни.
23	Широкое освоение ближнего космоса, Луны.
24	Восстановление Россией своего цивилизационно-исторического статуса в ареале евразийской цивилизации и мира.
25	Стремление этносов, не имеющих государственности, к повышению своего государственного и международного статуса. Увеличение числа новых государств.

Итак, учитывая опыт создания предыдущих трендов глобального развития, можно предложить прогнозный проект 25 мегатенденций развития на период до 2025 г. (см. таблицу 5). Его можно рассматривать и как проект первой трети XXI в. «Раннее утро», по аналогии с более отдаленным по времени периодом, названным А. и Б. Стругацкими «Полдень, XXII век»¹.

Разработка, анализ и учет мегатенденций помогает яснее представить действие национально-государственных и всемирных механизмов развития, обосновать ряд соответствующих прогнозов и содействовать их воплощению, ориентируясь на будущее. Предшествующий опыт создания мегатрендов показал как их реалистические аспекты, так и ограничения, обусловленные методологией прогнозирования. Наиболее проблемной стороной, обусловившей несостоятельность некоторых проектов «контуров будущего», оказалось использование политико-экономических подходов, связанных жесткими рамками американско-европоцентристской неолиберальной парадигмы.

Известен афоризм, приписываемый одному из основоположников квантовой механики Нильсу Бору:

¹ См.: Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Полдень, XXII век. — М., 2006.

«Предсказывать очень сложно, особенно предсказывать будущее». Тем не менее, без научно обоснованных предсказаний, анализа и понимания того, что нас ожидает, будущее может застигнуть нас врасплох и сделать бессильными перед новыми вызовами и угрозами. Лучше совместно проектируемое и создаваемое человечеством будущее, чем пессимистическое, постмодернистское предчувствие неизвестности или бездумная вера в авторитетов или пророков.

Литература

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2008. — № 47. — Ст. 5489.

Аналитические технологии прогнозирования политических процессов [Текст] / под ред. О.В. Поповой. — М.: РГ-Пресс, 2013. — 393 с.

Гальтунг, Й. Десять тенденций, меняющих мир [Текст] / Йохан Гальтунг // Россия в глобальной политике. — 2011. — № 4. — С. 8–19.

Закария, Ф. Будущее свободы [Текст]: либеральная демократия в США и за их пределами / Фарид Закария. — М.: Ладомир, 2004. — LIV, 326 с.

Кондратьевские волны [Текст]: Длинные и среднесрочные циклы / отв. ред.: Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев. — Волгоград: Учитель, 2014. — 360 с.

Конфуций. Луньбой. Изречения [Текст] / Конфуций. — М.: Эксмо, 2015. — 412 с.

Ли Куан Ю. Из третьего мира — в первый. История Сингапура (1965–2000) [Текст] / Ли Куан Ю. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. — 569 с.

Ломанов, А.В. Китай мечтает вместе с миром [Электронный ресурс] / Ломанов Александр Владимирович // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации: Китайская мечта. — 2013. — 17 сентября. — Режим доступа: <http://ru.china-embassy.org/rus/zgm/t1077799.htm>.

Мегатренды [Текст]: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / под ред. Т.А. Шаплеиной, А.А. Байкова. — М.: Аспект Пресс, 2013. — 447 с.

Мегатренды мирового развития [Текст] / Центр исследований постиндустриального общества; под ред. М.В. Ильина, В.Л. Иноземцева. — М.: Экономика, 2001. — 295 с.

Мир в 2050 году [Текст] / под ред. Д. Франклина и Дж. Эндрюса. — М.: Манн, Иванов и Фербер: Эксмо, 2013. — 368 с.

Мир после кризиса [Текст]: Глобальные тенденции — 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США / гл. ред.: Г. Павловский. — М.: Европа, 2009. — 184 с.

Нейсбит, Дж. Китайские мегатренды [Текст]: 8 столпов нового общества / Джон и Дорис Нейсбит. — М.: Астрель, 2012. — 315 с.

Нейсбит, Дж. Мегатренды [Текст] / Джон Нейсбит; пер. с англ. М.Б. Левина. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. — 380 с.

Никонова, И.А. Проектный анализ и проектное финансирование [Текст] / И.А. Никонова. — М.: Альпина Паблишер, 2012. — 154 с.

Россия 2020 [Текст]: главные задачи развития страны / гл. ред.: Г. Павловский. — М.: Европа, 2008. — 57 с.

Россия и мир [Текст]: Новая эпоха: 12 лет, которые могут все изменить / отв. ред. и рук. авт. кол. С. А. Караганов. — М.: АСТ: Олимп, 2008. — 444 с.

Россия и мир в 2020 году [Текст]: Контуры мирового будущего: доклад Национального разведывательного совета США; Россия-2020: будущее страны в условиях глобальных перемен / Александр Шубин. — М.: Европа, 2005. — 217 с.

Рубини, Н. Как я предсказал кризис [Текст]: экстренный курс подготовки к будущим потрясениям / Нуриэль Рубини, Стивен Мим. — М.: Эксмо, 2011. — 382 с.

Самофалова, О. Семеро новых [Электронный ресурс]: Группа развивающихся государств, куда входит и Россия, по ряду показателей уже опережает G7 / Ольга Самофалова // Взгляд: Деловая газета. — 2014. — 9 октября. — Режим доступа: <http://www.vz.ru/economy/2014/10/9/709649.html>.

Стратегический глобальный прогноз 2030 [Текст]: расширенный вариант / Ин-т мировой экономики и международных отношений РАН (ИМЭМО РАН); под ред. А.А. Дынкина. — М.: Магистр, 2011. — 476 с.

Стругацкий, А.Н. Полдень, XXII век [Текст] / Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. — М.: АСТ, 2006. — 429 с.

Фридман, Дж. Следующие 100 лет [Текст]: прогноз событий XXI века / Джордж Фридман. – М.: Коммерсантъ: Эксмо, 2010. – 334 с.

Циклы политического развития: прогностический потенциал [Текст]: (сборник статей) / отв. ред.: В. И. Пантин, В. В. Лапкин. – М., ИМЭМО РАН, 2010. – 103 с.

Attali, J. A Brief History of the Future [Text]: A Brave and Controversial Look at the Twenty-First Century / Jacques Attali. – New York: Arcade Pub.: Distributed by Hachette Book Group USA, 2009. – xvli, 291 p.

Irkhin, Y.V. A Comparative Analysis of Megatrends in Global Development (Waves and Periods in 2000, 2020 and 2040) [Text] / Problems of Contemporary World Futurology / ed. by V.I. Yakunin. – Newcastle, UK: Cambridge Scholars Publishing, 2011. P. 315–324.

Naisbitt, J. China's megatrends [Text]: The 8 Pillars of a New Society / John and Doris Naisbitt. – New York, NY: Harper Business, 2010. – xii, 257 p.

Naisbitt, J. Megatrends [Text]: Ten New Directions Transforming our Lives / John Naisbitt. – New York: Warner Books, 1982. – 290 p.

Naisbitt, J. Megatrends 2000 [Text] / John Naisbitt, Patricia Aburdene. – New York: Avon, 1991. – 416 p.

Naisbitt, J. Megatrends Asia [Text]: Eight Asian Megatrends that Are Reshaping our World / John Naisbitt. – New York: Simon & Schuster, 1996. – 298 p.

World Economic Outlook Database, October 2015: Report for Selected Countries and Subjects [Electronic resource] // International Monetary Fund. – Mode of access: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/02/weodata/weorept.aspx?pr.x=42&pr.y=13&sy=2013&ey=2020&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&c=924%2C111&s=PPPGDP&grp=0&a=>